

УДК Ш5(2=5)52-4 Достоевский
ББК 882.09+929 Достоевский
Б 43

Белов С. В.

Б 43   Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». Том I. —
СПб.: Алетейя, 2001; Российская Национальная библиотека, 2001. — 573 с.
ISBN 5-89329-380-0

ДОСТОЕВСКАЯ (урожд. **Констант**, в 1-м браке **Исаева**) **Мария Дмитриевна** [11 **(23).9.1824**, Таганрог — 15 **(27).4.1864**, Москва] первая жена Достоевского (с февраля 1857 г.), по деду французженка; обучалась в частном пансионе. В Ас-

Астрахани М. Д. Констант — дочь директора Карантинного дома Д. С. Константа — выходит замуж за чиновника особых поручений начальника Астраханского таможенного округа А. И. Исаева и 10 ноября 1847 г. у них рождается сын Павел (Левченко. Круг семипалатинских. 79). В феврале 1851 г. А. И. Исаева направляют чиновником особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа, и сначала семья А. И. Исаева живет в Петропавловске, а затем — в Семипалатинске, где разместились в то время квартира начальника Сибирского таможенного округа (Там же).

Еще перед отъездом в Семипалатинск Достоевский писал жене декабриста *Наталье Дмитриевне Фонвизиной*, четыре года назад благословившей его в новый путь: «Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто всё еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то и что будет что-нибудь, может быть тихое и ясное, может быть грозное, во всяком случае неизбежное» (Достоевский. Т. 28. Кн. I. С. 177).

Пророческое предчувствие перелома в судьбе не обмануло Достоевского. В начале 1854 г. он знакомится в Семипалатинске с А. И. Исаевым и его женой. Марии Дмитриевне Исаевой было тогда двадцать девять лет. «Довольно красивая блондинка среднего роста, — вспоминает семипалатинский друг Достоевского А. Е. Врангель — очень худощавая, натура страстная и экзальтированная... Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна» (Две любви. 53).

Судьба ее сложилась не совсем удачно. Дочь директора Карантинного дома в Астрахани, учившаяся в пансионе и танцевавшая «с шалью» на дворянских балах (почетная привилегия особо отличившихся воспитанниц закрытых учебных заведений: в «Преступлении и наказании» «при выпуске с шалью танцевала» Катерина Ивановна Мармеладова, в образе которой нашли отражение многие черты характера Марии Дмитриевны Исаевой), вышла замуж, как оказалось, за довольно слабого человека — Александра Ивановича Исаева, страдающего склонностью к алкоголизму.

Пьяница муж, постоянная бедность, убогая провинциальная беспросветная жизнь — тако-

ва была жалкая судьба пылкой мечтательницы. И вдруг в этом «темном царстве» появился «луч света» — рядовой Сибирского 7-го линейного батальона Федор Достоевский. Он, конечно, «человек без будущего», так как попал в политическую историю, но ведь он писатель, а среди ее знакомых никогда не было ни одного из этогословия; к тому же человек несомненно интересный и талантливый, а главное, смотрит на нее влюбленными глазами.

Она приблизила к себе Достоевского, хотя далеко не всегда отвечала ему взаимностью, считая его «человеком без будущего». А писателя целиком захватила эта первая большая любовь, тем более что и внешний вид Марии Дмитриевны — хрупкий и болезненный, — какая-то душевная незащищенность, вызывали в нем постоянное желание помочь ей, оберегать ее, как ребенка. К тому же она приняла в нем сердечное участие, ввела в свой дом, вместе с А. Е. Врангелем помогла ему найти путь в местное общество. Всё это не могло не вызвать в рядовом Достоевском глубокой благодарности, привязанности и беспредельной преданности.

Но главное, она была несчастна, она мучилась, а еще на каторге, сам бесконечно страдая, он все четыре каторжных года думал о том, что такое страдания, какова их роль в жизни и судьбе человека. Страдания, по мысли Достоевского, дают человеку ключ к сочувственному пониманию чужих несчастий, чужого горя, делают его нравственно более чутким. Вот почему мучения Марии Дмитриевны привлекли внимание Достоевского как писателя и вызвали в нем как в человеке немедленное желание помочь любимой женщине. А любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой и всем сердцем, всей душой откликаться на муки любимого человека, даже если бы для этого пришлось самому страдать и мучиться.

Но ведь и судьба самого Достоевского была трагична, и это взаимное сострадание друг к другу и послужило, вероятно, причиной того, что отношения рядового Сибирского 7-го линейного батальона с супругой спившегося чиновника А. И. Исаева приняли, если можно так сказать, какой-то неправильный характер: иногда сострадание принималось за любовь, а любовь за сострадание, а чаще всего они так неразрывно переплетались вместе, что невозможно было отличить одно от другого.

И вдруг катастрофа: в мае 1855 г. А. И. Исаев получил место в **Кузнецке**, за шестьсот верст от Семипалатинска, и Достоевскому пришлось расстаться с Марией Дмитриевной, и это как раз в те дни, когда он поверил в ее взаимное чувство. Отчаяние Федора Михайловича было беспредельно, он ходил как помешанный. «Сцену разлуки я никогда не забуду, — вспоминает А. Е. Врангель, — Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок <...>. Тронулся экипаж <...> вот уже еле виднеется повозка <...>, а Достоевский все стоит, как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам <...>. Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень...» (Две любви. 80, 81).

По словам А. Е. Врангеля, Достоевский был в восторге от М. Д. Исаевой, все повторял, какая она замечательная, и удивлялся, что такая женщина ответила на его любовь. «**Судя** по тому, как мне тяжело без вас, — пишет Достоевский Марии Дмитриевне чуть ли не на другой день после ее отъезда, — ... я сужу о силе моей привязанности... Вы писали, что вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за вас в ужаснейшем страхе... Боже мой! Да достойна ли вас эта участь, эти хлопоты, эти дразги, вас, которая может служить украшением всякого **общества!**.. Вы же удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, вы были мне как родная сестра... Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта... Я все это нашел в вас...» (Достоевский. Т. 28. Кн. I. С. 186-187).

В августе 1855 г. Достоевский получил от Марии Дмитриевны извещение о смерти ее мужа. Она оказалась в критическом положении: одна, без средств, в незнакомом ей Кузнецке, без родных и знакомых, с маленьким сыном на руках. Но Достоевский мог больше не скрывать своей любви, и он тотчас же предложил Марии Дмитриевне выйти за него **замуж**. Им руководили одновременно и желание спасти ее от нищеты, и чувство горячей любви, и стремление к браку (Достоевскому шел тридцать четвертый год).

Но Мария Дмитриевна в ответ на пылкие письма возлюбленного, настаивавшего на немедленном ее согласии на брак с ним, отвечала, что не знает, как ей поступить. Достоевский признавал, что основной преградой к «устройству нашей **судьбы**», как она называла его предложение о **браке**, было его довольно жалкое социаль-

ное положение рядового, лишенного дворянства, бывшего каторжника.

Однако после смерти Николая I и восшествия на престол Александра II появилась надежда на улучшение участи бывших петрашевцев. 20 ноября 1855 г. Достоевского произвели в **унтер-офицеры** (**см.**: Летопись жизни. Т. 1. С. 215). Это так окрылило его, что в начале 1856 г. он сообщил брату о своем намерении жениться: «Мое решение принято, и хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню... Мне *без того, что теперь для меня главное в жизни*, не надо будет и самой **жизни...**» (Достоевский. Т. 28. Кн. I. С. 202-203).

Но из Кузнецка приходят тревожные вести: Мария Дмитриевна грустит, отчаивается, больна, поминутно окружена кумушками, которые сватают ей женихов. Достоевский любил со всей страстью поздней первой любви и вдруг получил «**громовое известие**», как писал он А. Е. Врангелю 23 марта 1856 г.: Мария Дмитриевна получила предложение от «**человека** пожитого, с добрыми качествами, служащего и обеспеченного» и просит у него совета, как ей поступить, «прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен, как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь <...>. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился <...>. Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал её! Я, может быть, убил ее моим письмом, и сказал, что я умру, если **лишу** ее» (Там же. 212).

Все письма к А. Е. Врангелю этого периода, полные жалоб, сомнений, просьб, дышат страстью и отчаянием: «Я погибну, если потеряю своего ангела; или с ума сойду, или в Иртыш!» (Там же. 213). Однако переписка с самой Марией Дмитриевной принимает всё более напряженный характер. Она все чаще упоминает о местном учителе, друге покойного мужа Николае Борисовиче *Вергунове*, довольно красивом молодом человеке двадцати четырех лет.

Достоевский решается на отчаянный поступок. Получив служебную командировку в **Барнаул**, он тайно уехал из Барнаула в Кузнецк. Но вместо радостной встречи с любимой женщиной

он попадает в ситуацию, уже описанную в ранней повести «Белые ночи» и предваряющую ситуацию будущего романа «Униженные и оскорбленные». Мария Дмитриевна бросилась Достоевскому на шею и, плача, целуя его руки, призналась, что полюбила Николая Борисовича **Вергунова** и собирается выйти за него замуж.

Достоевский молча выслушал ее признание, а затем, скрывая собственную страсть, начал обсуждать рассудительно возможный брак своей возлюбленной с учителем Н. Б. **Вергуновым**, который был еще беднее его **самого**, но зато имел два бесспорных преимущества перед ним: был молод и **красив**.

Мария Дмитриевна настаивает на встрече Достоевского со своим соперником. Во время этой встречи Н. Б. Вергунов плачет на груди у Достоевского («С ним я сошелся, он плакал у меня, но он только и умеет плакать!» — вспоминал писатель // Там же. 236), сам Достоевский рыдает у ног своей возлюбленной, а Мария Дмитриевна в слезах примиряет соперников. Действительность как бы предворяет вымысел многих **произведений** Достоевского, и прежде всего романа «Униженные и **оскорбленные**».

И вдруг отвергнутый Достоевский, как и Мечтатель в «Белых **ночах**», как и Иван Петрович в «**Униженных и оскорбленных**», решил принести жертву собственной любви ради нового чувства Марии Дмитриевны (ведь любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой) **и** не мешать своему счастливому сопернику.

И тут, совершенно неожиданно для Достоевского, произошел психологический поворот. Мария Дмитриевна была настолько потрясена тем, что он не только ни разу ни в чем не упрекнул ее, а еще и заботился о ее будущем (точь-в-точь как Наташа в «Униженных и оскорбленных» говорит Ивану Петровичу: «**Добрый**, честный ты человек! И ни слова-то о себе! Я же тебя оставила **первая**, а ты все **прости**л, только о моем счастье и думаешь»), что в ней снова всколыхнулась жалость и нежность к Достоевскому, **сопращание** к его преданной любви. «**Она** *вспомнила прошлое*, и ее сердце опять обратилось ко **мне**, — писал Достоевский А. Е. Врангелю **об этом** психологическом повороте Марии Дмитриевны. — <...>. Она мне сказала: "Не плачь, не грусти, не все еще решено: ты и я, и более никто!" Это слова ее **положительно**. Я провел не зная какие два дня, это было блаженство и мученье

нестерпимое! К концу второго дня я уехал *с полной надеждой...*» (Там же. 235).

Но не успел Достоевский возвратиться в **Семипалатинск**, как Мария Дмитриевна написала ему, что «тоскует, плачет» и любит Н. Б. Вергунова больше, чем его. Достоевский снова «как помешанный в полном смысле слова», но это не мешает ему жертвовать собой ради счастья любимой женщины, победив ревность и горечь: он хлопочет о пособии Марии Дмитриевне за службу мужа, ходатайствует об определении ее сына в кадетский корпус, беспокоится об устройстве Н. Б. Вергунова на лучшее место.

В это трагическое время, когда Достоевский уже считал Марию Дмитриевну потерянной для себя навсегда, в нем снова загорелась надежда. 1 октября 1856 г. он был снова произведен в офицеры (**см.**: Летопись жизни. Т. 1. С. 227) и теперь уже реально стал надеяться на возвращение в Петербург. Трудно сказать с уверенностью, под влиянием ли этих новых обстоятельств или по изменчивости своего характера, а скорее всего просто по той причине, что она в глубине души все-таки не переставала по-своему любить Достоевского, хотя эта любовь никогда не была такой страстной и иступленной, как с его стороны, но Мария Дмитриевна заметно охладела к Н. Б. Вергунову, и вопрос о браке с ним как-то вдруг отпал сам по себе. И снова меняется тон и стиль ее писем к Достоевскому: это уже нежные письма любимой женщины к своему единственному и верному избраннику. А Достоевский опять воспрянул духом и снова поставил вопрос ребром о своем браке с Марией Дмитриевной. Он чувствует, что дальше такая неопределенность продолжаться не может. «Она по-прежнему *всё* в моей жизни <...>. Люблю ее до безумия, — пишет Достоевский А. Е. Врангелю в ноябре 1856 г. — <...>. Тоска моя о ней свела бы меня в гроб и *буквально* довела бы меня до самоубийства <...>. Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь» (*Достоевский*. Т. 28. Кн. I. С. 242).

В ноябре 1856 г. Достоевский снова едет в Кузнецк, получает согласие Марии Дмитриевны выйти за него замуж и 6 февраля 1857 г. ведет ее под венец (**см.**: *Орнатская Т. И.* Сибирская тетрадь // Достоевский: Материалы. Т. 3. С. 222-225; *Кушникова, 67-94; Булгаков В. Ф. Ф. М.* Достоевский в Кузнецке // Достоевский в забытых. 158-162). Достоевский безумно счастлив,

не подозревая, конечно, какой тяжелый удар ждет его впереди. На обратном пути, когда молодожены остановились в Барнауле, у Достоевского от всех волнений и всего пережитого случился страшный эпилептический припадок (новейшие исследования проф. Н. И. Моисеевой свидетельствуют о том, что это была не эпилепсия, а гипертоническая болезнь. См.: *Моисеева Н. И.* Был ли Достоевский эпилептиком (История одной врачебной ошибки) // Знамя. 1993. № 10. С. 199–204). Потрясенная Мария Дмитриевна увидела, как ее **муж**, вдруг с диким воем и помертвевшим лицом грохнулся на пол, стал биться в ужасных судорогах и потерял сознание.

Это произвело на Марию Дмитриевну гнетущее впечатление, которое еще более усилилось, когда она узнала от докторов, что это эпилепсия и любой припадок может быть смертельным. Она зарыдала и начала упрекать мужа за то, что он скрыл свою болезнь. Но Достоевский ничего не скрывал, он действительно думал, что это **простые** нервные припадки, а не эпилепсия, — во всяком случае так его раньше уверяли врачи.

Возможно, этот злосчастный эпизод и был той самой первой трещиной в отношениях между супругами, которая, все углубляясь и углубляясь, привела к тому, что семилетний брак Достоевского и Марии Дмитриевны не принес им счастья.

Личная жизнь писателя требовала большого напряжения. Мария Дмитриевна не выдержала холодного и гнилого климата столицы и вынуждена была вернуться в Тверь, где они оказались сразу после Семипалатинска. С этого момента их совместная жизнь нарушилась, они лишь изредка имеют подобие общего дома, а чаще всего проживают на разных **квартирах**, в разных **городах**. 7 июня 1862 г., когда Достоевский впервые уезжает за границу, он едет один. Мария Дмитриевна находит предлог, чтобы остаться в Петербурге: нужно помочь сыну в подготовке к гимнастическому экзамену, так как тот оказался неуспевающим учеником. Но это был только предлог, возможно, для соблюдения приличий. У Достоевского была его собственная жизнь, к которой Мария Дмитриевна не имела никакого отношения. Она чахла и умирала.

После возвращения, в сентябре 1862 г., Достоевский нашел Марию Дмитриевну в очень плохом состоянии. С этого момента он трогательно заботится о ней, стараясь всячески облегчить

ее страдания (см.: *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 23–27). Зимой она почти не выходила из своей комнаты и лежала по целым месяцам. Весной 1863 г. ей стало так плохо, что врачи опасались за ее жизнь, и ей только чудом удалось выжить. При первой же возможности Достоевский отвез ее во Владимир, где климат был гораздо мягче. В одном из писем он так описывал невзгоды свои в это время: «Болезнь жены (чахотка), расставание мое с нею (потому что она, пережив весну (то есть не умерев в Петербурге), оставила Петербург на лето, а может быть и долее, причем я сам ее сопровождал из Петербурга, в котором она не могла переносить более **климата...**» (*Достоевский*. Т. 28. Кн. П. С. 33).

Марию Дмитриевну Достоевский увидел только в октябре 1863 г. — и тут же принял решение везти ее в Москву: поселиться с ней в Петербурге было невозможно, а оставлять во Владимире тоже, по-видимому, было нельзя. Мария Дмитриевна была настолько измучена своей болезнью и вообще находилась в таком плохом состоянии, что даже переезд в близкую Москву представлялся затруднительным, почти опасным. «Любезнейшая Варвара Дмитриевна, — пишет Достоевский сестре своей жены, — по некоторым крайним обстоятельствам <...> мы... решились переехать совсем в Москву <...>. Другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя» (Там же. 54, 55).

Достоевский считал своим долгом облегчить жене последние месяцы ее жизни, а сделать это было гораздо легче в Москве, чем в незнакомом провинциальном городе. В начале ноября 1863 г. супруги обосновались в Москве. Достоевский почти все дни и ночи проводил за письменным **столом**. **Ноработалось тяжело**. Умиравшая Мария Дмитриевна, становясь все более раздражительной, требовала неоступовного внимания. Она не могла выносить никого, даже сына, приехавшего навестить ее из Петербурга. Достоевский ясно сознавал, что конец близок. «**Жалко** мне ее ужасно, — пишет он сестре своей жены в январе 1864 г. — <...>. У Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме: грустит и приходит в отчаянье. Такие минуты очень тяжелы для нее. Нервы у ней раздражены в высшей степени. Грудь плоха, и иссохла она как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть!» (Там же. 62).

Мария Дмитриевна умирала мучительно и трудно: ее страдания и настроения, вероятно,

припомнились Достоевскому, когда он описывал умирающую от чахотки супругу Мармеладова в «Преступлении и наказании» или агонию Ипполита в «Идиоте».

14 апреля 1864 г. с Марией Дмитриевной сделался припадок, кровь хлынула горлом и начала заливать грудь. На другой день к вечеру она умерла — умерла тихо, при полной памяти и всех благословляя. «Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней», — писал Достоевский брату сразу же после смерти Марии Дмитриевны (Там же. 92).

Образ Марии Дмитриевны можно найти во многих произведениях Достоевского: Наташа в «Униженных и оскорбленных» (история отношений Ивана Петровича и Наташи, по мнению А. С. Долинина, в той или иной мере в преображенном виде воспроизводит эпизоды отношений между Достоевским и его будущей женой Марией Дмитриевной — см.: *Достоевский*. Письма. Т. 1. С. 516–517), супруга Мармеладова в «Преступлении и наказании», в какой-то мере Настасья Филипповна в «Идиоте» и Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых». Все эти лихорадочные, бледные и порывистые женщины навеяны первой большой любовью писателя — Марией Дмитриевной Достоевской (см. об этом: *Кушникова*. 67–94).

Через год после смерти жены Достоевский писал семипалатинскому другу А. Е. Врангелю — единственному свидетелю их любви: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Всё расскажу Вам при свидании, — теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг другу» (*Достоевский*. Т. 28. Кн. П. С. 116).

Почему Достоевский и Мария Дмитриевна были «положительно несчастны вместе»? Возможно, Мария Дмитриевна быстро поняла, что она обречена, как чахоточная больная, и это сознание накладывало определенный отпечаток на ее отношения с близкими. Во всяком случае, вторая жена писателя Анна Григорьевна Достоевская, — конечно, со слов самого Достоевского — свидетельствовала, что «обострившаяся болезнь» Марии Дмитриевны «сообщила особенную му-

чительность» ее отношениям с Достоевским (*Гроссман Л. П.* Достоевский. М., 1962. С. 198).

Если же говорить о Достоевском, то можно с уверенностью сказать, что писатель очень переживал, что их брак с Марией Дмитриевной оказался бездетным. Он всегда любил детей, и когда старший брат женился и у него пошли дети, он искренно и по-хорошему завидовал брату. Может быть, Достоевский все же терзался мыслью, что когда-то в Кузнецке Мария Дмитриевна предпочла ему Н. Б. Вергунова исключительно по любви, не почувствовав страстную веру унтер-офицера Достоевского в свое писательское призвание, а Мария Дмитриевна, в свою очередь, может быть, так и не смогла забыть тот страшный припадок Достоевского всего лишь через несколько дней после венчания.

Однако, делая попытки проникнуть в тайну несчастного брака писателя, надо всегда помнить, что в том же письме от 31 марта — 14 апреля 1865 г. к А. Е. Врангелю, который не только хорошо знал Марию Дмитриевну, но и был свидетелем первых лет их любви, Достоевский писал: «...Существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя, умерла <...>. Помяните ее хорошим, добрым воспоминанием <...>. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год) как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землю. И вот уже год, а чувство всё то же, не **уменьшается...**» (*Достоевский*. Т. 28. Кн. П. С. 116). По свидетельству В. В. Тимофеевой (О. Починковской), Достоевский говорил ей про Марию Дмитриевну: «Была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок» (Достоевский в воспоминаниях. П. 161).

Лит.: *Слоним М. Л.* Три любви Достоевского. Нью-Йорк, 1953 (2-е изд. М., 1991); *Якушин Н. И.* Достоевский в Сибири. Кемерово, 1960; *Косенко*. Сердце остается; *Орнатская Т. И.* Сибирская тетрадь // Достоевский: Материалы. Т. 3. С. 222–225; *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 23–27; *Марков А. С.*

Мария Исаева — жена Достоевского // Волга. Астрахань, 1984. 9 дек. № 292; *Иванова Л. И.* Новые сведения о первой жене Достоевского // Сов. архивы. 1991. № 6. С. 89-90; *Кушникова.* 67-94; *Достоевский.* Т. 30. Кн. II (указ. имен); *Левченко.* Круг семипалатинских. 80-82; Достоевский в воспоминаниях, II (указ. имен); Две любви (указ. имен); Достоевский в забытых (указ. имен); Ф. М. Достоевский и М. Д. Исаева (Констант.): Библиогр. // Библиография. 1996, № 6. С. 90-96. *Портр.: Белов.* Федор Михайлович Достоевский. 96.